

ным и достиг намеченной цели (помолиться в церкви «на казанскую»), вторит бригадиру: «Ой, унеси водяной, больше не поеду. И служат не так, и поют все не по-прежнему» [1, с. 417].

Выводы.

Таким образом, полюса «деревня – город» в повести выступают как вариация оппозиции «свое – чужое». Противопоставление двух пространств создается как общим характером повествования, так и посредством множества антитез: порядок – хаос, мелодия – шум, понятное – непонятное, дифференцированное – нерасчлененное, ответственность – равнодушие, лад – разлад. Такая поляризация является

одной из констант в творчестве В. И. Белова, для которого позиция «деревенщика» является неизменным художественным принципом.

Литература

1. Белов, В. И. Избранные произведения: в 3 т. / В. И. Белов. – Т. 2: повести, рассказы. – М., 1983.
2. Белов, В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М., 1982.
3. Евсеев, В. Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Евсеев. – М.: Б.и., 1989.

УДК 811.161.1'28

С. А. Ганичева

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е. Н. Ильина
Вологодский государственный университет*

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИКИ И КОНТЕКСТОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЗВУКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ ВОЛКОМ, МЕДВЕДЕМ И ЛОСЕМ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации
для молодых кандидатов наук (проект МК 5977.2015.6 «Лингвистические аспекты
представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках:
война смыслов и образ региона»)*

Статья посвящена когнитивной интерпретации семантики глаголов, обозначающих в русских говорах звуки, издаваемые волком, медведем и лосем, а также интерпретации высказываний, в той или иной степени иллюстрирующих когнитивный потенциал рассматриваемых слов. Исследование позволяет установить некоторые черты образов волка, медведя и лося в диалектной языковой картине мира. Семантика слов отражает наиболее общие особенности восприятия человеком диких животных. Контексты эксплицируют более конкретные составляющие образов волка, медведя и лося.

Диалектная языковая картина мира; глаголы, обозначающие издаваемые животными звуки; семантика.

The article is devoted to cognitive interpretation of semantics of the verbs meaning the vocalizations of wolf, bear and elk in the Russian dialects, and also interpretation of contexts, illustrating the cognitive potential of the studied words. Research allows establishing some features of perceptions of the animals by villagers. Semantics of the verbs reflect existence of parallels of wild animals and pets, tendency of a person to give human characteristics to the animals, and tendency of the villager to differentiate vocalizations of different types. Contexts reflect more concrete features of the animals, connected with vocalization process.

Dialect linguistic picture of the world, verbs meaning animals' vocalization, semantics.

Введение.

Современная диалектология отражает общий интерес лингвистики начала XXI века к когнитивному осмыслению фактов языка. Существуют два типа исследований диалектной языковой картины мира. Во-первых, это работы, в которых акцент делается на реконструкции того или иного фрагмента языковой картины мира: представлений о пространстве [10], представлений донских казаков о стыде и совести [5] и др. Во-вторых, это исследования, посвященные когнитивной интерпретации определенных элементов языковой системы, в первую очередь, явлений лексики и словообразования: реконструкция народных представлений о макрокосме на основе данных

словообразования [2], рассмотрение в когнитивном аспекте сложных слов [7] и т. д. Для второго направления богатый лексический материал может дать картотека «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛЯРНГ). Этот лексический корпус в основном используется для создания лингвистических карт, но вместе с тем его данные могут быть интерпретированы и в когнитивном аспекте.

Объектом нашего исследования служит лексическое множество глаголов, использующихся в говорах для обозначения процесса вокализации медведя, волка и лося. Эти глаголы входят в тематическую группу «Природа» наряду с другими глаголами-зоофонами, исследованными в когнитивном аспекте

[3], [4] и др. при составлении лексических и лексико-словообразовательных карт. Целью нашей статьи является когнитивная интерпретация семантики этих слов, а также интерпретация высказываний, в той или иной степени иллюстрирующих когнитивный потенциал исследуемых глаголов.

Основная часть.

Семантика глаголов звучания, а также высказывания с ними отражают наиболее устойчивые черты образов волка, медведя и лоса, которые сложились в сознании носителей русских говоров по соотношению с воспринимаемыми звуками, издаваемыми каждым из этих животных. Образы волка, медведя и лоса, реконструируемые на основе контекстуального анализа материалов картотеки ЛАРНГ, отчасти переключаются с их мифологическими образами [6]. Волк традиционно считается нечистым хтоническим животным; медведь, напротив, «чистое» животное, по происхождению нередко связываемое с человеком. Аналогом волка среди домашних животных считается собака, аналогом медведя нередко выступает кошка [6, с. 122–127]. Мифологический образ лоса в сравнении с волком и медведем описан значительно меньше: лось нередко является персонажем фольклорных произведений, но, по свидетельству А. В. Гуры, практически не включен в систему мифологических представлений о животных.

Обратимся к семантике глаголов, использующихся для обозначения звуков, издаваемых волком, медведем и лосем. Практически все эти слова являются невидоспецифичными: в их семантической структуре отсутствуют семы, обозначающие принадлежность звуков этим животным. По значению данные глаголы делятся на две группы. Первую составляют глаголы широкой семантики: *реветь*, *орать*, *гудеть* (*гудать*), *стонать*, *рычать*, *зубалить* (ср.: *зубалить* ‘выть (о звере)’ [9, вып. 1, с. 334] – о волке; *реветь*, *кричать*, *орать*, *рывать*, *рычать*, *рыкать*, *урчать*, *уркать*, *ворчать* – о медведе; *реветь*, *кричать*, *орать*, *стонать*, *гудеть*, *трубить* (*трубеть*) – о лосе. Вторую группу образуют глаголы, обычно использующиеся в отношении домашних животных и получившие метафорическое расширение значения (см.: [1]): *скулить*, *лаять* (о волке), *выть*, *воять* – о волке; *мычать* (единично *мучать*) – о лосе; *рёгать*, *рёхать*, *рюхать*, *рёхкать*, *хрюкать* – о медведе (ср.: *рёхать* и *рёхать* ‘хрюкать’ [11, вып. 35, с. 78]; *рёхкать* ‘хрюкать’ [11, вып. 35, с. 79]; *рюхать* ‘хрюкать’ (о свинье, кабане)’ [11, вып. 35, с. 329]).

Семантика глаголов отражает наиболее общие особенности восприятия человеком волка, медведя и лоса, и, шире, диких животных в целом.

Во-первых, дикие животные в картине мира сельского жителя занимают значительно меньшее место по сравнению с домашними. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие в картотеках видоспецифичных глаголов, подобных тем, которые используются для обозначения крика домашних животных (ср.: *мычать* – о корове и т. п.).

Во-вторых, в народном сознании проводятся параллели между дикими и домашними животными (о

них уже упоминалось ранее): *волк* – *собака*, *лось* – *корова* (*бык*). Для *медведя* традиционной аналогией является кошка, однако, по данным наших материалов, параллель выстраивается со свиньей. Видимо, эта параллель не имеет символического значения и обусловлена только сходством звуков (урчание медведя и хрюканье свиньи).

В-третьих, для человеческого восприятия животных характерна антропоморфизация, выражающаяся в том, что многие глаголы могут быть использованы применительно как к человеку, так и к животным: *стонать*, *реветь*, *кричать*, *орать*, *выть*, *ворчать* и др.

В-четвертых, человек может разграничивать разные типы вокализаций животного, что отражается в выборе лексемы широкой семантики. Это ярко проявляется в образе *медведя*, голос которого различается в зависимости от ситуации: это может быть ворчание (урчание), а может быть рев. Соответственно, существуют, с одной стороны, глаголы *урчать*, *уркать*, *ворчать*, а с другой стороны, глаголы *реветь*, *рычать*, *рыкать*, *рывать* (также *мерявкать*, *мурывкать*), ср.: *урчать* ‘производить негромкие, низкого тона звуки’ [12, т. 4, с. 514], *урчать*, *уркать* ‘ворчать или бурчать, гудеть, клокотать, издавать глухой звук: ур-ур-ур’ [12, т. 4, с. 1002]; *ворчать* ‘издавать негромкие низкие звуки, выражающие недовольство’ [12, т. 1, с. 214]; др.), *рычать* ‘издавать громкие, низкого тона, угрожающие звуки (о животном)’ [12, т. 3, с. 747], *рыкать* ‘издавать дикий грозный рев, рычание’ [12, т. 3, с. 745], *рывать* ‘издавать громкий, отрывистый, густой и низкий звук (о животных)’ [12, т. 3, с. 748]. Обе группы слов частотны, во многих районах слова из них сосуществуют.

Менее значительно дифференциация отражена в образе *волка*. Здесь может быть выделено три группы лексем: обозначения протяжного, низкого звука (*выть*, *воять*, *воять* и т. п.; видимо, также *гудеть*, *стонать* и *реветь*); обозначения прерывистого звука, похожего на лай (*лаять*); обозначение протяжного высокого звука (*скулить*). Это деление соответствует голосам волков разного возраста: матерого, переряка (на втором году жизни) и прибылого (на первом году жизни) [8, с. 187–188]. Лексемы разных групп также могут употребляться в одном районе.

В ряду глаголов, обозначающих звуки, издаваемые лосем, семантическая дифференциация практически не отражена.

Контексты, которые иллюстрируют употребление интересующих нас слов в речи, эксплицируют более конкретные и наглядные черты образов волка, медведя и лоса. В высказываниях отражены преимущественно те составляющие образов, которые связаны с процессом вокализации (это неслучайно: ключевыми словами являются глаголы звучания).

Как показывают наблюдения, большей частью в контекстах эксплицированы следующие составляющие образов животных:

- 1) место обитания или появления в поле зрения человека (*За деревней, в лесу, всю ночь выли волки*);
- 2) время, когда можно услышать крик животного

(*Весной лоси трубят, лосих зовут*);

3) половая принадлежность животного (*Лоси весной да осенью трубят, да не коровы, а быки*);

4) особенности голоса (*Медведи режут очень громко*);

5) причина или цель вокализации (*Чтобы собраться друг с другом, волки ссылаются, воют, значат*);

6) реакция человека на звуки, издаваемые животным, их эмоциональная оценка (*Волк на луну воет, услышишь – страшно станет*);

7) возможность сопоставления со звуками, издаваемыми другими живыми существами или неодушевленными объектами (*Как в трубу, лось трубит*).

Как видим, эти составляющие могут выражаться отдельными словами или сочетаниями слов.

Пространственная составляющая находится на первом плане в образе медведя (26 %; здесь и далее указан процент слов или сочетаний слов, выражающих составляющую, от общего числа единиц, эксплицирующих разные составляющие образа). В то же время иллюстрации, относящиеся к волку и лосю, также часто отражают пространственную локализацию их образов (17 и 15 % соответственно).

Все трое животных в человеческом восприятии связаны с лесом, что выражается следующими словами: *лес* (24; цифра в скобках обозначает количество слов), *чаща* (2), *бурелом* (1), *кусты* (4), *заросли* (1) *малинник* (8), *берлога* (4) – о медведе; *лес* (42), *бор* (1), *угор* (1) – о волке; *лес* (23), *опушка* (1), *болото* (1), *дерево* (1) – о лосе. Другие природные объекты упоминаются значительно реже.

В ряде иллюстраций обозначены элементы человеческого пространства. В восприятии диалектоносителя с человеком наиболее тесно связан волк: *деревня* (13), *поле* (1), *село* (1), *поселок* (1), *огород* (1), *окно* (1), *сторожка* (1), *ферма* (3), *дом* (2), *двор* (1). Это неслучайно: волки могут приближаться к населенным пунктам, совершать набеги на домашний скот. В иллюстрациях, относящихся к лосю и медведю, подобные слова встречаются значительно реже (6 – о медведе, 3 – о лосе): эти животные воспринимаются как более отдаленные от территории обитания человека.

Временная составляющая наибольшее значение имеет для образа волка (40 %). При этом вой волка, как и звуки, издаваемые лосем, в сознании диалектоносителей имеют достаточно четкую временную локализацию. Волк воет зимой (*зима, зимой* 36; *на святках* 1) и ночью (*ночь* 77; *на луну* 26; *вечер* 4; *когда солнце закатается* 1; *темно* 1). Упоминания другого времени года или времени суток редки. В некоторых иллюстрациях отмечается, что вой может раздаваться достаточно долго, даже несколько ночей подряд: *всю ночь* (10), *каждую ночь* (1), *долго* (1), *вторую неделю* (1), *всегда* (1).

Крик лося в сознании человека связан преимущественно с весной (22), временем, когда у животного наступает гон. Незначительное количество раз встретилось также упоминание осени и лета (*осень* 4; *сентябрь* 1; *август* 1; *лето* 1).

В восприятии человеком крика медведя времен-

ные характеристики не играют большой роли (5 %), среди них не могут быть выделены преобладающие: *часто* (1); *осень* (2); *долго* (1); *ночью* (2); *раньше* (2); *весна* (2); *лето* (1).

Половая дифференциация ярко выражена только в образе лося. В 22 высказываниях встречается явное или скрытое противопоставление самца и самки животного: *Обычно лось весной трубит, когда подружку кличет; Лось мычит грубее, чем самка трубит* и т. д.

Причина крика на первом месте находится в иллюстрациях, относящихся к лосю (19 %); в образах волка и медведя эта составляющая также важна (11 и 17 % соответственно).

Голос лося человек связывает преимущественно с периодом гона (31): *В брачную пору особенно трубят сохатые* и т. д. В это время зверь зовет самку (16), кричит перед боем с другим самцом или во время боя (5). Интересно, что вой волка и рев медведя практически не связаны в сознании человека с брачным периодом.

В иллюстрациях, относящихся к волку, чаще всего говорится, что зверь воет, потому что голоден (11) или чувствует холод (5). Голод является также одной из причин рева медведя (6). Существует и несколько других достаточно частых объяснений: зверь злится (7), чувствует близкую опасность или присутствие человека (8; *Медведь увидал меня да эдак зарывкает* и т. д.), испытывает боль (6; *Ранили медведя а он заревел* и т. д.).

Кроме того, образы всех трех зверей отражают распространенное представление о том, что животные криком разговаривают друг с другом или созывают стаю (лось – 12; волк – 7; медведь – 5): *А стадо лоси скликают, трубить начинают; Воет – сигнал падает волку или волчице* и т. д. Медведь, живущий преимущественно в одиночку, разговаривает или сам с собой (1), или с медвежатами (4; *медвежат зовёт* и т. п.).

Иные представления о причинах крика животных менее распространены. Ряд из этих причин отражает склонность людей наделять животных человеческими эмоциями (ср. выше: медведь ревет, потому что злится): лось плачет по убитой лосихе (2); волки воют от горя и злобы (1), со скуки (1); медведь урчит от удовольствия (2).

Особенности крика – одна из наиболее значимых составляющих в образах медведя (15 %) и лося (15 %). В образе волка она занимает незначительное место (7 %). Крик всех животных человек воспринимает как громкий, сильный (о медведе – 37; о лосе – 44, о волке – 33). Это подчеркивают и звукоподражательные слова с низкими гласными [y] или [o], которые в нескольких иллюстрациях употреблены для передачи голоса животных: *Медведь ревет хрипло: «у-у-у»!*; *Воет волк: «у-у-у! у-у-у»!*; *Волки воют: «вой-вой-вой»*; *Лось-то бубнит, он кабы лосиху подзывает, всё «бу-бу-бу»*.

Более дифференцированные характеристики встретились преимущественно в контекстах, относящихся к лосю и волку. Вой волка протяжный (4), жалобный и грустный (5), грубый (1), тревожный (1).

Голос лося протяжный (4), отрывистый (1), режущий (1).

Сопоставление с другими живыми существами и неодушевленными предметами достаточно часто встречается в высказываниях о лосе (15 %), и незначительно представлено в остальных контекстах (4 % для волка и 6 % для медведя). В целом, сравнения отражают существование в традиционной культуре параллелей между дикими и домашними животными, а также склонность человека к антропоморфизации животных.

Распространенную параллель «волк – собака» подтверждают соответствующие сравнения (10), а также возможность сопоставления собаки с волком: *Когда сосед пропал, собака как волчица выла*. Голос лося чаще всего уподобляется мычанию коровы или быка (20), однако сравнения коровы или быка с лосем в высказываниях не зафиксировано. Возможно, это объясняется тем, что лось в традиционной культуре занимает менее значительное место, чем медведь и волк, и параллель «лось – корова (бык)» не столь устойчива, как предыдущая.

Сопоставление с неодушевленными предметами распространено только для голоса лося: он сравнивается со звуком трубы (14), а также со звуком, который получается, если дуть в ствол ружья (1). Для волка и медведя подобные сравнения единичны.

Склонность человека антропоморфизировать природу подчеркивается существованием сравнений людей с животными (9 – медведь, 2 – волк, 1 – лось). Реже животные сравниваются с людьми (медведь – 4; волк – 2; лось – 1): *Истошно люди как кричат, так и медведи режут; Похоже как человек, так и лось трубит*.

Реакция человека на голос животного или на увиденное животное представлена в образах волка (11) и медведя (12) и практически не представлена в образе лося. Это не случайно: встреча с лосем для человека не представляет такой опасности, которую влечет за собой встреча с волком или медведем. Голос волка и медведя единодушно оценивается как страшный (18 – о медведе, 46 – о волке): *Медведь как ревел, страсть божья; Волки ночью как завоят – аж мороз по коже*. Вой волка человек чаще слышит издали, поэтому обычная реакция на него – испуг (45): *Волки ночью как завоят – аж мороз по коже*. Рев или рычание медведя, напротив, обычно можно услышать в лесу, когда зверь неподалеку. Заслышав их, человек чаще всего убегает (11): *Как медведь зарюхал, дак я испугался да бежать*.

Составляющая образов, связанная с особенностями поведения животных, в иллюстрациях представлена редко: ключевые слова высказываний относятся только к одной его стороне – вокализации. Особенности ключевых слов может объясняться также то, что в высказываниях о лосе, волке и медведе практически не отражены приметы, поверья, пословицы и

поговорки, связанные в традиционной культуре с этими животными.

Выводы.

Таким образом, когнитивная интерпретация семантики глаголов, обозначающих звуки, издаваемые волком, медведем и лосем, а также высказываний с ними позволяет установить некоторые черты образов этих зверей в диалектной языковой картине мира. Дикое животное занимает в ней значительно меньшее место по сравнению с домашними. Семантика глаголов отражает существование параллелей образов диких и домашних животных, склонность диалектоносителей к антропоморфизации животного мира, а существование разграничения разных типов вокализаций. Контексты эксплицируют более конкретные составляющие образов животных, связанные с процессом вокализации. Большей частью черты образов зверей отражают не традиционную мифологическую символику, а биологические особенности животных и значение, которое имеют в жизни сельского жителя волк, медведь и лось.

Литература

1. Андреева Е. П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале лексики природы) / Е. П. Андреева // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. – Вологда, 2008. – С. 46–59.
2. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М., 1998.
3. Ганичева, С. А. Глаголы, называющие крики кукушки, в контексте диалектной языковой картины мира / С. А. Ганичева // Dialog kultur VI. Hradec Králové, 2011. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
4. Ганичева С. А. Диалектная языковая картина мира в соотношении с традиционной картиной мира (на примере образа синицы) / С. А. Ганичева // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 4. – Вологда, 2010. – С. 176–180.
5. Григорьева, Н. А. «Стыд» и «совесть» в диалектной картине мира донских казаков / Н. А. Григорьева // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2009. – СПб., 2009. – С. 144–150.
6. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М., 1997.
7. Кирилова, Е. А. Сложное слово как маркер явлений диалектной языковой картины мира (на примере вологодских говоров) / Е. А. Кирилова // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 4. – Вологда, 2010. – С. 199–204.
8. Млекопитающие Советского Союза: морские коровы и хищные. Т. 2. Ч. 1. – М., 1967.
9. Словарь пермских говоров: в 2 т. – Пермь, 2000.
10. Соколова, А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов / А. А. Соколова. – СПб., 2007.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. – Ленинград; СПб., 1965–2001.
12. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–4. – М., 1985–1988.